

ДВЕ «СТАРИНЫ» – ОДНА ПОЛИТИКА: «ЮРЬЕВСКАЯ ДАНЬ» И «КАЗАНСКАЯ ДАНЬ» В РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 1550–60-х гг.

Ф. Д. ПОДБЕРЕЗКИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В начале 1550-х гг. дипломаты русского царя Ивана IV впервые использовали легенды о «казанской дани» и «юрьевской дани» для обоснования исторического господства над землями Казанского ханства и немецкой Ливонии. Если сведения о «казанской дани» впервые актуализируются в годы правления Ивана IV, то «юрьевская дань» упоминается еще в русско-ливонских соглашениях XV в., однако их происхождение остается исторической загадкой. В статье впервые в историографии проводится сравнительный анализ двух легенд, делается попытка выяснить их источники, автора, роль в обосновании континуитета Руси времен первых Рюриковичей и московского государя Ивана IV, взаимосвязь терминов «отчина», «дань» и «земля». С 1470-х гг. в Москве начали переосмысливать даннические отношения, существовавшие в монголо-тюркском политическом пространстве, что выразилось в попытке прекращения «подарков» крымскому хану (1473) и последующих требованиях платить дань «по старине» епископу Дерпта (1474). В результате творческой обработки текста Повести временных лет русские книжники постулировали тождественность Волжской Булгарии и Казанского ханства, древнерусского Юрьева и немецкого Дерпта в рамках Никоновского свода. Основным критерием для обоснования наследственного господства над территорией являлась «земля» как политическая единица вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности ее населения. Высказано предположение, что царский окольничий Алексей Адашев редактировал историю о «юрьевской дани» по образцу сюжета о «казанской дани». Таким образом, между двумя легендами существует прямая генеалогическая связь.

Ключевые слова: «казанская дань»; «юрьевская дань»; Иван IV; Ливония; Казанское ханство; Волжская Булгария; Алексей Адашев; Русское государство; Рюриковичи; Никоновский свод; Юрьев; русско-ливонские отношения; «отчина»; «старина»; «земля».

ДЗВЕ «ДАЎНІНЫ» – АДНА ПАЛІТЫКА: «ЮР'ЕЎСКАЯ ДАНІНА» І «КАЗАНСКАЯ ДАНІНА» Ў РУСКАЙ ДЫПЛАМАТЫІ І ГІСТАРЫЧНАЙ ДУМЦЫ 1550–60-х гг.

П. Д. ПАДБЯРОЗКІН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На пачатку 1550-х гг. дыпламаты рускага цара Івана IV упершыню выкарысталі легенды пра «казанскую даніну» і «юр'еўскую даніну» для абгрунтавання гістарычнага панавання над землямі Казанскага ханства і нямецкай Лівоніі. Сведчанні пра «казанскую даніну» ўпершыню актуалізуюцца падчас кіравання Івана IV, а «юр'еўская даніна» узгадваецца ў руска-лівонскіх пагадненнях XV ст., аднак іх паходжанне застаецца гістарычнай таямніцай. У артыкуле ўпершыню ў гістарыяграфіі праводзіцца параўнальны аналіз абедзвюх легенд, робіцца спроба выявіць іх крыніцы.

Образец цитирования:

Подберезкин Ф.Д. Две «старинны» – одна политика: «юрьевская дань» и «казанская дань» в русской дипломатии и исторической мысли 1550–60-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;3:74–82.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-74-82>.

For citation:

Podberezkin PD. Two antiquities – one policy: the «tribute of Dorpat» and the «tribute of Kazan» in Russian diplomacy and historical thought in 1550–60s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;3:74–82. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-74-82>.

Автор:

Филипп Дмитриевич Подберезкин – аспирант кафедры истории России исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор О. А. Яновский.

Author:

Philip D. Podberezkin, postgraduate student at the department of Russian history, faculty of history.
hetmanpolny@yandex.ru

аўтара, ролю ў абгрунтаванні кантынuitэту Русі часоў першых Рурыкавічаў і маскоўскага гасудара Івана IV, узаема-связь тэрмінаў «вотчына», «даніна» і «зямля». З 1470-х гг. у Маскве пачалі пераасэнсоўваць падатковыя адносіны, якія існавалі ў мангола-цюркскай палітычнай прасторы. Праявамі гэтага была спроба перастаць даваць «падарункі» крымскаму хану (1473), а таксама патрабаванне даніны «па-даўнейшаму» епіскапу Дэрпта (1474). У выніку творчай пераапрацоўкі тэксту Аповесці мінулых гадоў рускія кніжнікі пастуліравалі тоеснасць Волжскай Булгарыі і Казанскага ханства, старажытнарускага Юр'ева і нямецкага Дэрпта ў межах Ніканаўскага зводу. Асноўным крытэрыем для спад-чыннага панавання над тэрыторыяй з'яўлялася «зямля» як палітычная адзінка, не звярталася ўвага на палітычную і рэлігійную ідэнтычнасць яе насельніцтва. Выказана меркаванне, што царскі акольнічы Аляксей Адашаў рэдагаваў гісторыю «юр'еўскай даніны» па ўзоры сюжэта пра «казанскую даніну». Такім чынам, паміж дзвюма легендамі існуе генеалагічная ўзаемасувязь.

Ключавыя словы: «казанская даніна»; «юр'еўская даніна»; Іван IV; Лівонія; Казанскае ханства; Волжская Булгарыя; Аляксей Адашаў; Руская дзяржава; Рурыкавічы; Ніканаўскі звод; Юр'еў; руска-лівонскія адносіны; «вотчына»; «даўніна»; «зямля».

TWO ANTIQUITIES – ONE POLICY: THE «TRIBUTE OF DORPAT» AND THE «TRIBUTE OF KAZAN» IN RUSSIAN DIPLOMACY AND HISTORICAL THOUGHT IN 1550–60s

P. D. PODBEREZKIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the beginning of 1550s the diplomats of Russian Tsar Ivan IV for the first time used the legend about «Kazan tribute» and «Dorpat tribute» to justify the historical rule over Kazan and German Livonia. The story about «Kazan tribute» was firstly mainstreamed during the reign of Ivan IV; however, the «Dorpat tribute» was mentioned in the Russian-Livonian treaties of 15th century – its origin is still unknown. For the first time in historiography this article compares two stories. The author examines the sources of both legends, their author, the role in the justification of the continuity between the ancient Rus' of Rurikovi-chi and Moscow Russia of Ivan IV, the relation between the terms «otchina» (paternity), «dan'» (tribute), «zemlya» (land). Since the 1470s Moscow began to rethink the tribute relationships, that had been established in Mongol-Turk political space. This resulted in an attempt to stop the payments for the Chan of Crimea (1473) and to demand the tribute from the Bishop of Dorpat (Russian Yuryev, 1474). Based on the Text of «Primary chronicle» the Russian intellectuals claimed the identity of Volga Bulgaria and Kazan, ancient Russian Yuryev and German Dorpat in the text of Nikon Chronicle. The main criterion for the hereditary rule over the territory was «zemlya» (land) as the political category, regardless of the ethnicity and religion of its population. The author concludes that the courtier Alexey Adashev edited the story about «Dorpat tribute» following the example of «Kazan tribute» story. Thus, there is a direct intertextual dependence between the two stories.

Keywords: «Kazan tribute»; «Dorpat tribute»; Ivan IV; Livonia; Kazan; Volga Bulgaria; Alexey Adashev; Russian State; Rurikovichi; Nikon chronicle; Yuryev; Russian-Livonian relations; paternity; «otchina»; antiquity; «starina»; land; «zemlya».

«Цари Фарсиса и островов поднесут ему дань;
цари Аравии и Савы принесут дары»

Псалом 71

«И вот, есть последние, которые будут первыми,
и есть первые, которые будут последними»

Лк. 13:30

Введение

28 декабря 1550 г. русский царь Иван IV от-правил к королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду II Августу своего посла Якова Андреевича Остафьева. В «памяти» посла, помимо прочего, были следующие слова: *Нечто его вспросят о Казани, и Якову говорити: Казань изстари отчина государя нашего... государь наш за ту их вину сам на Казань ходил и Казанскую землю всю пусту учинил. А которые люди заперлися в го-*

роде, и те государю доби́ли челом... а они дани все дают по старине. И государь их челобитье принял... и они ныне дани все дают государю нашему по ста-рине [1, с. 343]¹.

В источниках до 1550 г. ничего не говорится о «дани», которую казанцы платили бы Москве «по старине» [2, р. 83–84]; возможно, поэтому пробле-ма «казанской дани» не вызывала специального интереса исследователей [2, р. 92–104; 3, с. 36]. Во

¹Речь идет о походе русского войска на Казань в 1549–1550 гг.

время русско-ливонских переговоров в Москве 28 апреля – 1 июня 1554 г. дьяк Иван Михайлович Висковатый сказал немцам, что епископ города Дерпта (рус. Юрьев) должен заплатить *дань по старине со всеми старыми задолженностями согласно крестному целованию и праву* [4, с. 25]. «Юрьевская дань» упоминается в русско-ливонских договорах 1474, 1509, 1550 гг. [5, с. 133; 6, с. 381; 7, с. 112–125; 8, с. 406–407], однако на практике она вряд ли когда-либо платилась. Немецкие послы отвечали, что *ни один человек в Ливонии, хотя бы ему было и 200 лет от роду, не знает, что это за дань* [4, с. 26]. В литературе допускается возможность реальности дани до времен Ивана IV; существуют три основные версии происхождения «юрьевской дани»: так называемая медовая дань [9, с. 143–144; 10, с. 86; 11, с. 173–174]², дань «правой веры» в Дерпте [12]³, дань Толовы [13]. Однако полной ясности в этом вопросе достигнуть не удалось. В 1552 г. русские войска взяли Казань, а в 1558 г. – Дерпт.

Таким образом, в московской дипломатической практике начала 1550-х гг. впервые был использован аргумент «дани» как исторического налога. И в случае с Казанским ханством, и в случае

с Ливонией этот аргумент не имел прямых прецедентов в прошлом. Для того чтобы найти его, русскому книжнику следовало проделать немалую интеллектуальную работу, изучив доступный исторический материал, включив соседние государства в сферу патримониального права династии Рюриковичей.

В статье не будут затрагиваться вопросы происхождения «казанской дани» и «юрьевской дани», их реальное историческое содержание. Сюжетное подобие истории о дани в обоих случаях, хронологическая близость их окончательной письменной фиксации (1550–60-е гг.) делают возможным сравнительный анализ двух легенд. Какие источники использовали русские книжники при составлении этих историй? Как обосновывался континуитет между реалиями древнерусского Юрьева и Волжской Булгарии эпохи первых Рюриковичей и времени Ивана Грозного? Взаимосвязаны ли между собой термины «отчина» и «дань»? В результате сравнительного анализа мы попытаемся выяснить, существовала ли генеалогическая связь между легендами о «юрьевской дани» и «казанской дани» в московской книжности середины XVI в.

Источники и авторы двух историй

«Казанская дань» «по старине» впервые упоминается в дипломатическом документе («памяти») 1550 г. В Никоновской летописи сразу за записью 1555 г. следует история 1445 г. об основании «царства Казанского». В ней указывается, что *прежние великие князи русские от Рюрика обладающе и дани емлюще по Волге и до Хвалиньского моря и по Каме* [14, с. 251]. Вероятнее всего, эта запись появилась между 1555 и 1559 гг. [2, р. 94]. Можно говорить, что история о древней «казанской дани» вначале была востребована в дипломатической практике времен Ивана IV и спустя несколько лет, после взятия Казани, включена в исторический нарратив.

«Юрьевская дань» «по старине» упоминается в русско-ливонских договорах с 1474 г. Однако в качестве посольского аргумента русской стороны мы встречаем ее в отчете ливонских представителей о переговорах в Москве 1554 г. [4, с. 25, 26, 31–35, 36–38]⁴. По всей видимости, свидетельства участников этих переговоров (Ивана Михайловича Висковатого и Алексея Федоровича Адашева) и русский вариант новгородско-ливонского и псковско-дерптского договоров [7] легли в основу сюжета Никоновской летописи о немецком посольстве 1554 г. [14, с. 240].

Можно полагать, что история о «казанской дани» и «юрьевской дани» «по старине» некоторое время бытовала в ближнем круге царя Ивана IV. До включения в официальное историописание два сюжета использовались в переговорах с Ливонией, Великим княжеством Литовским и Османской империей [2, р. 80]. Главным источником Никоновской летописи в освещении событий 1550-х гг. признан «Летописец начала царства», решающее влияние на составление которого оказал окольничий Алексей Федорович Адашев [16, с. 29–41; 17, с. 196–197]. Вероятно, именно Адашев является идейным автором сюжета «Летописца...» о собирании русскими князьями дани по Волге и Каме, отразившегося в Никоновской летописи. Поэтому не случайно, что окольничий вместе с дьяком Иваном Михайловичем Висковатым был привлечен к русско-ливонским переговорам 1554 г. Если идея «казанской дани» была успешно предъявлена дипломатам ВКЛ еще в 1550 г., то в 1554 г. ливонцам можно было предложить идею «дани юрьевской». К тому же для последней имелись формальные основания в предыдущих русско-ливонских договорах.

Источники исторических построений Алексея Адашева о дани времен правления первых русских

²Согласно версии «медовой дани» псковичи брали деньги с жителей округа Нейгаузена за пользование медовыми деревьями, находившимися во владениях Пскова.

³Немецко-балтийский историк Карл фон Штерн считал, что истоки «юрьевской дани» – в обязательстве властей Дерпта платить на содержание расположенных там православных церквей.

⁴Вероятнее всего, до начала 1550-х гг. пункт о дани в Ливонии считали пустой формальностью. Замешательство послов по этому поводу во время переговоров 1554 г., отсутствие у них инструкций на этот счет свидетельствуют о том, что в качестве посольского аргумента «юрьевская дань» никогда ранее не предъявлялась. Реакцию послов хорошо передал их современник Ф. Ниенштедт [15, с. 44].

князей следует искать в древнем летописании⁵. Согласимся с мнением украинского исследователя Я. Пеленского, который предположил, что исходным текстом могли послужить сюжеты Повести временных лет с перечислением племен по Оке и Волге, плативших Руси дань ко времени княжения Рюрика [2, р. 94; 19, с. 10, 13].

В ответном письме к послам датского короля Фредерика 5 апреля 1559 г. Алексей Адашев и Иван Висковатый писали, что *шестьсот лет назад великий князь киевский Ярослав Владимирович взял землю ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, а в Риге и в Колывани церкви русские и дворы поставил, и на всех ливонских людей дань положил* [20, с. 45–46]. Базовым текстом для этой истории был рассказ из Повести временных лет: (6538) *Сем же лете иде Ярослав на чюдъ, и победи я, и постави град Юрьев* [19, с. 65]. Тот факт, что в более поздних летописях к словам *постави град Юрьев* добавлялось в свое

имя [19, с. 480], подтверждает данное наблюдение. В случае с «юрьевской данью» русская сторона во время переговоров 1554 г. ссылалась на русско-ливонский договор 1474 г. [4, с. 31, 36]. При этом не привлекались более ранние соглашения (1509 и 1550 гг.); дипломаты Ивана IV называли цифру в *210 лет неуплаченной дани* [4, с. 31], как бы указывая на некий реальный прецедент. Имея документально зафиксированные исторические основания, авторы истории о «юрьевской дани» тем не менее пытались «удревнить» ее до времен Ярослава Мудрого. Так история становилась убедительной не только юридически, но и исторически.

Значит, можно предполагать, что активное участие в составлении двух историй о дани принимал Алексей Адашев, а исходным текстом для него были сюжеты Повести временных лет, связанные с именами первых русских князей Рюрика и Ярослава Мудрого.

От «чюди» к Дерпту и от болгар к Казани

Ряд сведений о волжских булгарах (болгарах) в Никоновском своде уникален. Как отмечал советский исследователь Б. М. Клосс, «введение известий о походах на волжских болгар вполне объясняется интересами той наступательной политики в отношении Казани, которую проводило московское правительство в 20-х годах XVI века, когда составлялась Никоновская летопись» [17, с. 187]. В начале летописи говорится о том, как легендарный Кий ходил походом на дунайских болгар, *также на волжския и камския болгары ходив и победи* [21, с. 4, 66]. Данная фраза свидетельствует о том, что автор знал о делении болгар на «волжских и камских» и дунайских, мог разбираться в их этническом составе. При этом болгары в Никоновской летописи часто отождествляются с казанскими татарами (*болгары, глаголемыя казанцы; болгары, еже есть в Казань и др.*) [21, с. 58, 210; 22, с. 97–98, 103, 104; 23, с. 12, 20, 24, 71]. Рассмотрим контекст подобных упоминаний.

Под 990 г. в летописи повествуется о миссионерском путешествии Марка Македонянина, посланного князем Владимиром к болгарам-мусульманам. Марк был послан *в болгары, иже есть во агаряны... и бесермены нарицаются, и тотари, и друзии имена их демонския* [21, с. 58].

В 1157 г. князь Андрей Боголюбский *нападоша на безбожныя агаряны болгарския, иже глаголют казанския* [21, с. 210]. В приведенных сообщениях названия *агаряны, татары и бесермены* (т. е. мусульмане) являются демонским именем, носят исключительно религиозный оттенок. Данный вывод подтвержда-

ется историей мученичества святого Авраамия Болгарского, содержащейся в летописи. Следуя исходному тексту Лаврентьевской летописи [24, с. 313], автор Никоновского свода подчеркивает, что святой Авраамий был *инога языка, не русского, христианин сый*. Не уточняется, к какому народу он принадлежал. Однако убили его *болгары за веру православную; во время мучений Авраамий проклинал Божьмита и веру их болгарскую* [22, с. 97–98], т. е. христианство Авраамия противопоставлялось «болгарской вере». Таким образом, в приведенных сюжетах эпитет «болгарский» имеет религиозную коннотацию.

Однако название «болгары» упоминается и в других значениях. В 1232 г. *приидоша татарове, и зимоваше не дошедше великого града болгарского, еже глаголется казанского* [22, с. 103].

В 1236 г. *безбожныи татарове поплениша землю Болгарскую, глаголемую Казанскую* [22, с. 104]. В 1375 г. новгородские ушкуйники *приидоша в болгары, еже есть в Казань*, а в 1382 г. хан Тохтамыш послал своих слуг в *град, нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзе* [23, с. 24, 71]. Очевидно, что в данных случаях речь идет о «Болгарской земле» как о политической единице⁶. Из сообщения 1232 г. следует, что составитель летописи отличал болгар от татар. Тем не менее по времени образования «Болгарская земля» предшествует Казани.

Таким образом, в Никоновской летописи намеренно акцентируется как религиозный, так и территориальный, политический континуитет Казанского ханства с землей волжских булгар. В религиозном

⁵Российский исследователь К. Ю. Ерусалимский отметил, что в Русском хронографе 1512 г. есть упоминание о том, что князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо «на татарех дань имал» [3, с. 36–37; 18, с. 388].

⁶Термин «земля» в русских источниках означал самостоятельное политическое образование, сформированное на основе волостей как частей единого Древнерусского государства X – начала XII в. [25, с. 140–141].

смысле казанские татары являются наследниками тех *безбожных агарян*, которых не удалось обратить в христианство святому Владимиру и Марку Македонянину в конце X в. В политическом смысле ключевое значение имела территория, на которой располагалось Казанское ханство. *Князи казанские* – то же, что и *князи болгарские* [23, с. 215], на которых ходили походами Кий и великий князь Владимир. Следовательно, идея покорения Казани в 1550-х гг. могла опираться и на религиозный, и на политический прецеденты из времен правления первых русских великих князей. В религиозном смысле Иван IV завершал дело своих предшественников. В политическом смысле русский царь мог претендовать на территорию Казанского ханства. Московскому книжнику было достаточно обосновать историческое право на владение землей, чтобы потребовать выплаты дани.

Выше указывалось, что в попытках обосновать претензии на Юрьев и «юрьевскую дань» дипломаты Иван Висковатый и Алексей Адашев ссылались на историю основания Юрьева (1030) Ярославом Мудрым, изложенную в Повести временных лет. Однако в ее сюжете речь идет о «чюди», а не о немцах, которые появятся на землях Ливонии не ранее конца XII в. (миссия епископа Мейнарда). Примечательно, что дошедшие до нас русские летописи вообще не упоминают о первых двух десятилетиях немецкой колонизации Ливонии⁷; в истории о походе новгородского князя Мстислава «на чюдь» и обложении ее данью (1212) ничего не сказано о епископе рижском и ордене меченосцев (также претендовавших на земли «чюди» в то время) [26, с. 52]. Данное обстоятельство объясняет, почему в истории «юрьевской дани», которая предлагалась иностранным послам [20, с. 41–52; 27, с. 216] и применялась для «внутреннего пользования» [28, с. 380, 532], нет разрыва между эстонским/русским и немецким периодами истории Юрьева (немцы завоевали его в 1224 г.⁸).

В описании событий, связанных с историей этого города, составитель Никоновской летописи почти без изменений передает текст новгородских и псковских летописей. В 1133 г. новгородский князь Всеволод ходил на «чюдь» и взял Юрьев [21, с. 188], в 1191 г. поход повторил его сын Ярослав [22, с. 120]. С похода 1234 г. и далее Юрьев отождествляется в русском летописании исключительно с *немцами*, *Немецкой землей*, *немецким городом* [22, с. 103–104, 123, 146, 201]. Об этом красноречиво свидетельствует упоминание о событиях 1343–1345 гг. – восстании Юрьевой ночи (эстов против немецких гос-

под) – в статье Новгородской первой летописи младшего извода (1344), где под *юрьевцами*, сражавшимися против восставшей *чюди*, подразумеваются немецкие вассалы дерптского епископа [26, с. 357]. В начальный период Ливонской войны составители Степенной книги добавляют к описанию похода 1133 г., что новгородский князь взял *отеческое достояние* [28, с. 420].

Заметим, что враждебная конфессиональная риторика в отношении немцев в большинстве случаев характерна для русских летописей применительно к событиям уже XV в. (*поганные немцы*) [29, с. 36, 37, 138]. В тексте Степенной книги говорится, что *ливонцы отвернулись от истинного благочестия*, а русские князья до Ивана IV ходили на них походами, дабы *мстить христианскую обиду* [28, с. 380–382, 532]. Как уже подчеркивалось в историографии, Ливонская война была в том числе и *священной войной* русского царя за православие против католиков и лютеран [30, S. 83–86; 31]. Таким образом, в Ливонии, как и в Казани, Иван Васильевич доводил дело предков на ниве «защиты православия» до логического завершения. Однако отметим, что в случае Ливонии религиозный аспект выражен меньше, чем в случае Казанского ханства: в 1558 г. царь начинал войну главным образом из-за дани, а не из-за притеснения православных в Ливонии.

Итак, для русского книжника XVI в. не было столь важно, кто – *чюдь* или *немцы* – населяет город, основанный Ярославом Мудрым. Также неважно было, болгары или татары являются «ответственными» за дань от Казанского ханства: в данном случае в большей степени проявился религиозный аспект (важный, но не столь решающий в вопросе, кому следует владеть «Болгарской землей»). В двух описываемых примерах превалирующий фактор – земля, которая некогда принадлежала великим русским князьям и должна принадлежать Ивану IV вне зависимости от того, кто ее населяет и кто во что верит. В Никоновской летописи континуитет *чюдь – немцы и болгары – казанцы* сохраняется благодаря тому, что в первом случае древнейшие летописи ничего не сообщают о немецкой колонизации, во втором составитель отождествляет земли Волжской Булгарии и Казанского ханства. Таким образом, ввиду отсутствия во времена правления первых русских князей исторических перемен, признаваемых русскими книжниками, «казанская дань» и «юрьевская дань» как сами собой разумеющиеся сохраняли актуальность для своего времени. В этом отношении две истории имеют одинаковое смысловое наполнение.

⁷Рига была основана в 1201 г., а первое упоминание ливонских немцев в конфликте новгородцев с немцами в новгородской летописи относится к 1219 г. [26, с. 59].

⁸В Степенной книге есть неопределенные намеки на то, что немцы незаконно владеют землей в Ливонии: *По его же имени (великого князя Ярослава-Георгия. – Ф. П.) и град той именуем есть Юрьев, его же неким похищением немцы обдержаша. <...> ...и тамо бяху епископи православни, иже пришедше из заморья, и веселишася в чюдьци* [28, с. 380, 532]. Не уточняется, когда произошло немецкое «похищение» и когда «православные епископы» (немецкие?) пришли «из заморья».

«Отчина» и «дань»

В 1473 г. великий князь московский Иван III поручил своему послу Никите Васильевичу Беклемишеву просить крымского хана уменьшить количество «подарков» [32, с. 2–3]. Некоторое время спустя, в результате русско-ливонских переговоров 1474 г., в текст договора был включен пункт о «юрьевской дани», которую епископ Дерпта обязывался платить Ивану III «по старине». Представляется, что события начала 1470-х гг. связаны между собой, ведь переговоры с татарами и немцами шли от имени одного и того же человека. Они отражали политическую программу Ивана IV: постепенно перестать платить дань прежним хозяевам Чингизидам и самому занять их место, собирая дань «по старине» с наиболее слабого соседа – епископа Дерптского. Крымского хана не удалось склонить к компромиссу, а ливонцы еще долгое время относились к пункту о дани как к пустой формальности, не встречая противодействия ни Ивана III, ни его сына Василия III.

В начале 1550-х гг. внук Ивана III решил продолжить начатое ранее. В 1554 г., после взятия Казани, царь Иван IV начал упоминаться о дани своего деда [34, с. 84–86], наложенной на Дерпт. В 1550 г. царь впервые «вспомнил» о «казанской дани». В 1522 г. в «памяти» царскому послу Василию Поликарпову

к великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду I впервые говорилось, что Казань является «отчиной» Ивана III – отца Василия III [34, с. 617]. В источниках 1530–50-х гг. об этом умалчивается [2, р. 81–82], но в 1550 г. термин «отчина» вновь появляется в цитированной выше «памяти» Якова Остафьева. Именно в этом документе слова «отчина» и «дань» применительно к Казанскому ханству впервые употребляются вместе.

Во второй половине XV – первой половине XVI в. Дерпт и Ливония, несмотря на обязательство дани, еще не являются «отчиной» великого князя московского [35]⁹. Риторика «отчины» в отношении Ливонии впервые высказывается во второй половине 1550-х гг.

Таким образом, к Казани сначала был применен термин «отчина», а затем «дань», а к Ливонии – наоборот. На наш взгляд, это объясняется тем, что относительно Казани русские дипломаты не располагали прямыми письменными свидетельствами того, что казанцы обязывались платить дань Москве¹⁰, а для Дерпта таковые имелись. Однако в целом в обоих случаях мы видим одинаковую систему исторической аргументации: в ней «отчина» и «дань» к началу 1550-х гг. взаимно дополняются.

Заключение

В ходе сравнительного исследования мы анализировали событийную и содержательную части истории о «казанской дани» и «юрьевской дани». Основаниями для сравнения послужили сюжетное сходство и хронологическая близость двух легенд. На наш взгляд, с начала 1470-х гг. у книжников из круга великих князей московских начинается идеологическое переосмысление даннических отношений, существовавших в рамках монголо-тюркского политического пространства. *Государи всея Руси* отныне нацелены на то, чтобы стать главными сборщиками дани на исторической территории Рюриковичей.

Свидетельством иного понимания межгосударственных даннических отношений являются события 1473–1474 гг. В 1473 г. Москва пытается перестать платить дань крымскому Чингизиду, а в 1474 г. формально обязывает епископа Дерптского платить «по старине». Основные условия для требования дани выражались в терминах «старина» и «отчина».

Для того чтобы обосновать «отчину» и «старину», творчески перерабатывался имеющийся исторический материал. Первоисточником построений

были короткие упоминания в Повести временных лет о владениях Рюриковичей по Волге и Каме, об основании Юрьева. Акцентировалось, что Казань тождественна «земле Болгар», а немецкий Дерпт и Юрьев эстов и русских – одно и то же. Обе легенды презентовались в рамках Никоновского свода. Есть основания считать, что сюжеты летописи 1550-х гг. редактировались непосредственно царским окружением Алексеем Адашевым. В 1550 г. идея «казанской дани» впервые была использована на дипломатическом уровне, в то время как реальной уплаты «юрьевской дани» потребовали в 1554 г. В обоих случаях важнейшим критерием для обоснования политической зависимости выступала «земля», на которую распространялось патримониальное право Ивана IV вне зависимости от народов, проживавших на ней. Таким образом, ключевыми пунктами в истории с «казанской данью» являются события X в., 1473 г., 1550–1552 гг., а в истории с «юрьевской данью» – XI в., 1474 г. и 1554–1558 гг.

Все вышесказанное позволяет предположить, что историю «юрьевской дани» создавали по образцу истории «казанской дани» книжники во главе

⁹Исследователь М. Ходарковский на примере отношений Москвы со степью хорошо показал, что политические, военные, фискальные границы могли не совпадать [36, р. 363]. На наш взгляд, такое представление может объяснить, почему в глазах Ивана III епископ Дерпта мог быть «данщиком», но епископство Дерптское не являлось «отчиной» великого князя.

¹⁰Если бы они были, московские книжники непременно воспользовались бы ими (как договором 1474 г. во время русско-ливонских переговоров 1554 г. в Москве).

с Алексеем Адашевым, по-особенному интересовавшимся крымскими и татарскими делами и решившим применить «казанский сценарий» для Ливонии. Сделано это было около 1554 г., когда Адашев и Висковатый проводили переговоры с послами Дерпта в Москве. Генеалогическую связь двух легенд подтверждает то, что в начале Ливонской войны окольных и дьяк в дипломатических письмах, упоминая посольство, предъявляли требования о дани из Юрьева сразу же после того, как повзрослевший царь Иван Васильевич разделался со своими «недругами» – ца-

рями казанским и астраханским [20, с. 49]. «Юрьевская дань» «по старине» упоминалась в русско-ливонских договорах времен Ивана III, однако еще не имела того смыслового наполнения, которое отразилось в исторических нарративах 1550–60-х гг.

По своей форме и структуре легенда о «юрьевской дани» представляет собой усовершенствованный вариант истории о «казанской дани». Это шедевр русской исторической мысли эпохи Ивана IV, свидетельствующий о том, как последние стали первыми.

Библиографические ссылки

1. Карпов ГФ, редактор. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Часть 2, 1533–1560 гг.* Санкт-Петербург: Типография Ф. Елионского и К^о; 1887. 704 с. (Сборник Императорского Русского исторического общества; том 59).
2. Pelenski J. *Russia and Kazan. Conquest and imperial ideology (1438–1560)*. The Hague: Mouton; 1974. 368 p.
3. Ерусалимский КЮ. *История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в.* Москва: Государственный университет «Высшая школа экономики»; 2005. 56 с.
4. Щербачев ЮН. *Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Выпуск 1, 1326–1569 гг.* Москва: Общество истории и древностей российских при Московском университете; 1915. 320 с.
5. Валк СН, редактор. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1949. 407 с.
6. Шаскольский ИП. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. В: Зимин АА, Пашуто ВТ, редакторы. *Международные связи России до XVII в.* Москва: Издательство АН СССР; 1961. с. 376–399.
7. Попов ВЕ, Филюшкин АИ. Русско-ливонские договоры 1554 г. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010; 1(7):109–130.
8. Arbusow L, Herausgeber. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Abteilung 2. Band 2, 1501–1505*. Riga: J. Deubner; 1905. 760 S.
9. Schiemann T. *Rußland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Band. 2*. Berlin: Grote; 1887. 410 S.
10. Форстен ГВ. *Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Том 1*. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева и К^о; 1893. 717 с.
11. Arbusow L. *Grundriß der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. Riga: Jonk und Poliewsky; 1918. 291 S.
12. Stern C. *Der Vorwand zum grossen Russenkrieg 1558*. Riga: E. Bruhns; 1936. 18 S.
13. Юрьенс ИИ. Вопрос о ливонской дани. *Варшавские университетские известия*. 1913; 6–9: 1–8, 9–16, 17–32, 33–57.
14. Платонов СФ, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 13*. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова; 1904. 302 с.
15. *Monumenta Livoniae antiquae. Band 2*. Riga: E. Frantzen's Buchhandlung; 1839. 532 s.
16. Зимин АА. И. С. Пересветов и его современники. *Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века*. Тихомиров МН, редактор. Москва: АН СССР; 1958. 498 с.
17. Клосс БМ. *Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков*. Москва: Наука; 1980. 312 с.
18. Розанова СП, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 22, выпуск 1*. Санкт-Петербург: Типография М. А. Александрова; 1911. 580 с.
19. Адрианова-Перетц ВП, редактор. *Повесть временных лет*. Санкт-Петербург: Наука; 1996. 667 с.
20. *Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачёвым*. Санкт-Петербург: Печатня С. П. Яковлева; 1897. 29 с.
21. Бычков АФ, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 9*. Санкт-Петербург: Типография Э. Праца; 1862. 283 с.
22. Бычков АФ, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 10*. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел; 1885. 244 с.
23. Платонов СФ, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 11*. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова; 1897. 256 с.
24. *Полное собрание русских летописей. Том 1, выпуски 1–3*. Ленинград: Издательство АН СССР; 1926–1928. 379 с.
25. Горский АА. *Русь. От славянского расселения до Московского царства*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 368 с.
26. Насонов АН, редактор. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва: Издательство АН СССР; 1950. 642 с.
27. Карпов ГФ, редактор. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Часть 3, 1560–1571*. Санкт-Петербург: Типография А. Л. Катанского и К^о; 1892. 937 с. (Сборник Императорского Русского исторического общества; том 59).
28. Ленхофф ГД, Покровский НН, редакторы. *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Том 1*. Москва: Языки славянской культуры; 2007. 624 с.
29. Насонов АН, редактор. *Псковские летописи. Выпуск 2*. Москва: Издательство АН СССР; 1955. 364 с.
30. Filjuškin AI. *Der Livländische Krieg ist der «Heilige Krieg»: Die europäische und die russische Perspektive*. In: Brüggemann K, Woodworth BD, editors. *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) = Russia on the Baltic Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perceptions (16th–20th Centuries)*. Wien: Böhlau; 2012. S. 67–89.

31. Frötschner R. Der livländische Krieg (1558–1582/83) – ein Glaubenskrieg des Moskauer Zartums? Der Krieg im Spiegel der zeitgenössischen offiziellen Moskauer Historiographie. In: Brunner H, Herausgeber. *Der Krieg im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit: Gründe, Begründungen, Bilder, Bräuche, Recht*. Wiesbaden: Reichert; 1999. S. 373–394.

32. Карпов ГФ, редактор. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Часть 1, 1474–1505*. Санкт-Петербург: Типография Ф. Елеонского и К^о; 1884. 633 с. (Сборник Императорского Русского исторического общества; том 41).

33. Курбский АМ. *История о делах великого князя Московского*. Ерусалимский КЮ, редактор, Алексеев АА, переводчик. Москва: Наука; 2015. 942 с.

34. Карпов ГФ, редактор. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Том 35, часть 1. 1487–1533*. Санкт-Петербург: Типография Ф. Елеонского и К^о; 1882. 870 с.

35. Selart A. Livland – ein russisches Erbland? In: Brüggemann K, Woodworth BD, editors. *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) = Russia on the Baltic Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perceptions (16th–20th Centuries)*. Wien: Böhlau; 2012. S. 29–65.

36. Khodarkovsky M. «Third Rome» or a Tributary State? A view of Moscow from the Steppe. In: Kappeler A, editor. *Die Geschichte Russlands im 16 und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag; 2004. p. 363–374.

References

1. Karpov GF, editor. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom. Chast' 2, 1533–1560* [The sources for diplomatic relations between Moscow State and Polish-Lithuanian Commonwealth. Part 2, 1533–1560]. Saint Petersburg: Tipografiya F. Elionskogo i K^o; 1887. 708 p. (Collection of the Imperial Russian Historical Society; volume 59). Russian.

2. Pelenski J. *Russia and Kazan. Conquest and imperial ideology (1438–1560)*. The Hague: Mouton; 1974. 368 p.

3. Erusalimskij KJu. *Istoriya na posol'skoi sluzhbe: diplomatiya i pamyat' v Rossii XVI v.* [History at diplomatic service: diplomacy and memory in XVI century Russia]. Moscow: State University «Higher School of Economics»; 2005. 56 p. Russian.

4. Shcherbachev YuN. *Kopengagenskie akty, otnosyashchiesya k russkoi istorii. Vypusk 1, 1326–1569 gg.* [The Copenhagen acts, related to the Russian history. Issue 1, 1326–1569]. Moscow: Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete; 1915. 320 p. Russian.

5. Valk SN, editor. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of the Great Novgorod and Pskov]. Moscow: Publishing house of the Academy of Science of USSR; 1949. 407 p. Russian.

6. Shaskol'skij IP. The Russian-Livonian negotiations of 1554 and the issue of the Livonian tribute. In: Zimin AA, Pashuto VT, editors. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v.* Moscow: Publishing House of the Academy of Science of USSR; 1961. p. 376–399. Russian.

7. Popov VE, Filjushkin AI. The Russian-Livonian treaties of 1554. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010;1(7): 109–130. Russian.

8. Arbusow L, Herausgeber. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Abteilung 2. Band 2, 1501–1505*. Riga: J. Deubner; 1905. 760 S.

9. Schiemann T. *Rußland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Band. 2*. Berlin: Grote; 1887. 410 S.

10. Forsten GV. *Baltiiskii vopros v XVI i XVII stoletiyakh (1544–1648). Tom 1*. Saint Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva i K^o; 1893. 717 p. Russian.

11. Arbusow L. *Grundriß der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. Riga: Jonk und Poliewsky; 1918. 291 S.

12. Stern C. *Der Vorwand zum grossen Russenkiege 1558*. Riga: E. Bruhns; 1936. 18 S.

13. Jur'ens II. [The issue of the Livonian tribute]. *Varshavskie universitetskie izvestiya*. 1913;6–9:1–8, 9–16, 17–32, 33–57. Russian.

14. Platonov SF, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 13* [Complete Russian chronicles. Volume 13]. Saint Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova; 1904. 302 p. Russian.

15. *Monumenta Livoniae antiquae. Band 2*. Riga: E. Frantzen's Buchhandlung; 1839. 532 s.

16. Zimin AA. *I. S. Peresvetov i ego sovremenniki. Ocherki po istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny XVI veka* [I. S. Peresvetov and his contemporaries. Essays on the history of Russian socio-political thought of the mid 16th century]. Moscow: AN SSSR; 1958. 498 p. Russian.

17. Kloss BM. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [Nikon chronicle and Russian chronicles of 16th–17th centuries]. Moscow: Nauka; 1980. 312 p. Russian.

18. Rozanova SP, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 22, vypusk 1* [Complete Russian chronicles. Volume 22, issue 1]. Saint Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova; 1911. 580 p. Russian.

19. Adrianova-Peretc VP, editor. *Povest' vremennykh let* [The Primary Chronicle]. Saint Petersburg: Nauka; 1996. 667 p. Russian.

20. *Russkie akty Kopengagenskogo gosudarstvennogo arkhiva, izvlechennye Yu. N. Shcherbachevym* [Russian acts of Copenhagen State Archive]. Saint Petersburg: Pechatnya S. P. Yakovleva; 1897. 29 p. Russian.

21. Buchkov AF, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 9* [Complete Russian chronicles. Volume 9]. Saint Petersburg: Tipografiya E. Pratsa; 1862. 283 p. Russian.

22. Buchkov AF, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 10* [Complete Russian chronicles. Volume 10]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del; 1885. 244 p. Russian.

23. Platonov SF, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 11* [Complete Russian chronicles. Volume 11]. Saint Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova; 1897. 256 p. Russian.

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 1, vypuski 1–3* [Complete Russian chronicles. Volume 1, issues 1–3]. Leningrad: Publishing House of the Academy of Science of USSR; 1926–1928. 379 p. Russian.

25. Gorskiy AA. *Rus'. Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo tsarstva*. [Rus. From the Slavonic resettlement to the Kingdom of Moscow]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 368 p. Russian.

26. Nasonov AN, editor. *Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The Novgorod Primary chronicle]. Moscow: Publishing House of the Academy of Science of USSR; 1950. Russian.
27. Karpov GF, editor. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom. Chast' 3, 1560–1571* [The sources for diplomatic relations between Moscow State and Polish-Lithuanian Commonwealth. Part 3, 1560–1571]. Saint Petersburg: Tipografiya A. L. Katanskogo i K°; 1892. 937 p. (Collection of the Imperial Russian Historical Society; volume 59). Russian.
28. Pokrovskii NN, Lenkhoff GD, editors. *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam. Tom 1* [The genealogy of Russian Kings according to the oldest extant versions. Volume 1]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2007. 624 p. Russian.
29. Nasonov AN, editor. *Pskovskie letopisi. Vypusk 2* [The Pskov chronicles. Issue 2]. Moscow: Publishing House of the Academy of Science of USSR; 1955. 364 p. Russian.
30. Filjuškin AI. Der Livländische Krieg ist der «Heilige Krieg»: Die europäische und die russische Perspektive. In: Brüggemann K, Woodworth BD, editors. *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) = Russia on the Baltic Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perceptions (16th–20th Centuries)*. Wien: Böhlau; 2012. S. 67–89.
31. Frötschner R. Der livländische Krieg (1558–1582/83) – ein Glaubenskrieg des Moskauer Zartums? Der Krieg im Spiegel der zeitgenössischen offiziellen Moskauer Historiographie. In: Brunner H, Herausgeber. *Der Krieg im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit: Gründe, Begründungen, Bilder, Bräuche, Recht*. Wiesbaden: Reichert, 1999. S. 373–394.
32. Karpov GF, editor. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nogaiskoyu ordami i Turtsiei. Chast' 1, 1474–1505* [The sources for diplomatic relations between Moscow State and Crimea, Nogai Horde and Turkey. Part 1, 1474–1505]. Saint Petersburg: Tipografiya F. Eleonskogo i K°; 1884. 633 p. (Collection of the Imperial Russian Historical Society; volume 41). Russian.
33. Kurbskij AM. *Istoriya o delakh velikogo knyazya Moskovskogo* [The story about the affairs of the Great Prince of Moscow]. Erusalimskii KYu, editor, Alekseev AA, translator. Moscow: Nauka; 2015. 942 p. Russian.
34. Karpov GF, editor. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom. Tom 35, Chast' 1, 1487–1533* [The sources for diplomatic relations between Moscow State and Polish-Lithuanian Commonwealth. Volume 35, part 1, 1487–1533]. Saint Petersburg: Tipografiya F. Eleonskogo i K°; 1882. 870 p. (Collection of the Imperial Russian Historical Society; volume 35). Russian.
35. Selart A. Livland – ein russisches Erbland? In: Brüggemann K, Woodworth BD, editors. *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) = Russia on the Baltic Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perceptions (16th–20th Centuries)*. Wien: Böhlau; 2012. S. 29–65.
36. Khodarkovsky M. «Third Rome» or a Tributary State? A view of Moscow from the Steppe. In: Kappeler A, editor. *Die Geschichte Russlands im 16 und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag; 2004. p. 363–374.

Статья поступила в редколлегия 08.02.2019.
Received by editorial board 08.02.2019.